

ПРИЗЫВЪ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ОРГАНЪ СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ

Подъ редакціей: Авксентьева, Алексинского, Аргунова, Бунакова, Воронова, Любимова (Марка З—ра) и Плеханова.

PRIX:
10 cent.

№ 33.

Адресъ редакціи: M-r Lebedeff, 13, Avenue Reille, Paris, XIV.
Pour la rédaction de l'Appel.

№ 33.

СОДЕРЖАНИЕ:

Редакція «Призыва». — Альберъ Тома въ царскомъ селѣ; Г. Плехановъ. — Англо-Ирландская драма; Кинтальская конференція; Г. Плехановъ. — Австрійские соціальдемократы о международномъ братствѣ рабочихъ; Манифестъ исполнительного комитета международного соціалистического бюро; Французские соціалисты и кинтальско-циммервальдские интернационалисты; Deutschland über alles; Изъ хроники общественной и рабочей жизни въ Россіи; «Интернационалисты» изъ Циммервальда.

АЛЬБЕРЪ ТОМА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

10 мая 1916 г. во французскихъ газетахъ появилось нижеслѣдующее официальное сообщеніе:

«Г. Вивіани, министръ юстиції и вице-президентъ совѣта министровъ, и г. Альберъ Тома, товарищъ военного министра, завѣдующій снаряженіемъ арміи, прибыли въ Россію. Правительство республики счастливо отвѣтило этимъ визитомъ на поѣздку, совершенную русскимъ министромъ финансіи во Францію. Визитъ этотъ является ровнымъ образомъ случаемъ засвидѣтельствовать русскому императорскому правительству,—въ тотъ моментъ, когда русскія войска только что высадились во Франціи,—чувства сердечной связи, которыя стали еще болѣе тѣсными послѣ двадцати мѣсяцевъ войны.

«На другой день послѣ своего пріѣзда, гг. Вивіани и Альберъ Тома были приняты въ аудіенціи его величествомъ императоромъ въ царско-сельскомъ дворцѣ».

АЛЬБЕРЪ ТОМА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

10 мая 1916 г. во французскихъ газетахъ появилось нижеслѣдующее официальное сообщеніе:
«Г. Вивіани, министръ юстиції и вице-президентъ совѣта министровъ, и г. Альберъ Тома, товарищъ военного министра, завѣдующій снаряженіемъ арміи, прибыли въ Россію. Правительство республики счастливо отвѣтило этимъ визитомъ на поѣздку, совершенную русскимъ министромъ финансіи во Францію. Визитъ этотъ является ровнымъ образомъ случаемъ засвидѣтельствовать русскому императорскому правительству,—въ тотъ моментъ, когда русскія войска только что высадились во Франціи,—чувства сердечной связи, которыя стали еще болѣе тѣсными послѣ двадцати мѣсяцевъ войны.

они? Во всякомъ случаѣ не своей родинѣ и не дѣлу ея независимости. Они возстали за нее съ оружиемъ въ рукахъ. А какая изъ странъ, атакованныхъ Австріей и Германіей, рѣшился отрицать теперь право каждого народа на независимое существование?

Кто позволить себѣ сказать: одни народы имѣютъ право защищать свою независимость, а другие обязаны терпѣливо нести иго иностраннаго завоевателя? Во всякомъ случаѣ пролетаріатъ союзныхъ странъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ правомѣрности подобныхъ различий. А не признавая правомѣрности подобныхъ различий, онъ не можетъ смотрѣть, какъ на вульгарныхъ преступниковъ, на побѣжденныхъ ирландскихъ повстанцевъ.

Однако, на этотъ разъ онъ не можетъ и сказать себѣ: дѣло побѣдителей нравится богамъ, а дѣло побѣжденныхъ Катону.

Ирландскіе феніи заключили союзъ съ Германіей. Этимъ самыемъ они принѣли на себя обязанность всеми зависящими отъ нихъ средствами помогать дѣлу германскаго имперіализма. Но торжество германскаго имперіализма, помимо всѣхъ другихъ великихъ несчастій, которыя оно обрушило бы на цивилизованное человѣчество, было бы равносильно отрицанію того самаго права народовъ на независимое существование, во имя которого поднимались ирландскіе феніи. Оно означало бы рабство Бельгіи, гибель Сербіи, новую рѣзню въ Армении и т. д. Ирландскіе повстанцы не захотѣли принять его въ соображеніе. Они остались слѣпыми и глухими ко всему, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ интересамъ ихъ страны, какъ они и хѣ понимали. Точка зрѣнія феніевъ была точкой зрѣнія святого национальнаго эгоизма, какъ выражаются теперь некоторые буржуазные публицисты. Но кто становится на точку зрѣнія национальнаго эгоизма, тотъ не имѣть права аппелировать къ альtruismu рабочаго класса. Конечно, англійскій пролетаріатъ долженъ какъ нельзя болѣе рѣшительно высказаться противъ суповой расправы съ побѣжденными. Этого требуетъ отъ него гуманность и его уваженіе къ самому себѣ. Но при данныхъ обстоятельствахъ онъ никакъ не можетъ пожалѣть о неудачѣ ихъ попытки.

Совѣтъ напротивъ!

Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ очень сильно сочувствовали ирландцамъ. Марксъ убѣдительно доказывалъ примикившиимъ къ Интернаціоналу англійскимъ рабочимъ, что они, въ своемъ собственномъ интересѣ, должны стремиться къ освобожденію Ирландіи, какъ доказывалъ онъ русскимъ революціонерамъ, что они, въ собственномъ своемъ интересѣ, должны соудѣствовать освобожденію Польши. Но, при всемъ своемъ сочувствіи къ освободительному движению ирландцевъ, онъ не разъ и горько жаловался на крайнюю ограниченность политического кругозора его вожаковъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Энгельсу (отъ 4-го декабря 1869 г.) онъ говорилъ, что для этихъ вожаковъ. «Die Irisch Question muss als was ganz Apartes im Ausschluss von der ubrigen Welt behandelt... werden». (ирландскій вопросъ долженъ рассматриваться, какъ нечто особенное, вѣтъ всякой связи съ остальнымъ міромъ). Энгельсъ вполнѣ признавалъ справедливость этого замѣчанія. «Ирландія,—говорить онъ въ своемъ отвѣтѣ Марксу—продолжаетъ оставаться sacra insula *), стремленія которой не долж-

Редакція «Призыва».

АНГЛО-ИРЛАНДСКАЯ ДРАМА,

Только что подавленное ирландское движение представляетъ собою одинъ изъ самыхъ драматическихъ и самыхъ поучительныхъ эпизодовъ нынѣшней великой международной борьбы. Нѣкоторая часть печати «союзныхъ странъ» выдвигаетъ противъ ирландскихъ повстанцевъ недостойныя обвиненія. Ихъ называютъ измѣнниками.

Это просто на просто нелѣпо. Кому и чому измѣнили

*) Священнымъ островомъ.

ны смыслившись съ классовой борьбой остальныхъ грѣшныхъ народовъ».

Нимало не сомнѣваясь въ самоотверженности руководителей послѣдняго ирландскаго восстанія, мы должны признать, что они показали такую же ограниченность политического кругозора, какую Марксъ и Энгельсъ находили у ирландскихъ феніевъ прошлаго вѣка. И въ этомъ состоять самая слабая сторона ихъ попытки. «Святой национальный эгоизмъ» никуда не годится теперь, какъ орудіе освобожденія отдѣльныхъ народовъ. Дѣло освобожденія отъ лѣнныхъ народовъ должно быть неразрывно связано съ освободительнымъ движениемъ международного пролетариата. А такъ какъ интересы международного пролетариата чрезвычайно сильно пострадали бы отъ побѣды австро-германского имперіализма, то въ послѣднемъ счетѣ ни одинъ угнетенный народъ не можетъ желать этой побѣды, если только онъ правиль но понимаетъ исторически возможный теперь условія своего освобожденія. Люди, которые становятся у насъ «пораженцами», повинуясь национальному чувству;—такие, несомнѣнно, существуютъ,—прежде всего очень и очень плохіе счетчики...

Къ части Ирландіи слѣдуетъ, однако, прибавить, что въ своемъ огромномъ большинствѣ, ея населеніе не захотѣло поддержать ошибочную тактику феніевъ. Оно рѣшило, что, идя въ союзъ съ демократической Англіей, оно гораздо лучше устроить свою судьбу, чѣмъ становясь на сторону центральныхъ имперій, до сихъ поръ не умѣвшихъ окончательно раздѣлаться съ абсолютизмомъ. Своей послѣдующей политикой англійский пролетариатъ долженъ и, конечно, сумѣть доказать населенію Ирландіи, что оно не ошиблось въ своемъ разсчетѣ.

Г. Плехановъ.

P. S. — Я несъ эту статью на почту, когда въ одной изъ итальянскихъ газетъ прочелъ сообщеніе о томъ, что генералъ Бота, нѣкогда бывшій такимъ рѣшительнымъ врагомъ Англіи, послалъ Редмонду телеграмму, въ которой онъ привѣтствовалъ вождя ирландскихъ националистовъ за его вѣрность английскому знамени. Таково великое примирительное дѣйствие англійской свободы!

Г. П.

КИНАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Корреспондентъ *l'Humanit * Ното даетъ очень интересныя подробности о только что состоявшейся въ Кинталѣ (Швейцарія) конференціи циммервальдистовъ. Мы переводимъ ту часть его корреспонденціи, где Ното описываетъ конкретную обстановку конференціи.

Дискуссии на второй циммервальдистской конференціи очень напоминаютъ по своему характеру споры, происходившіе на первой конференціи. Въ апрѣль 1916 года, какъ и въ сентябрѣ 1915, существовало два враждебныхъ стана, и сердечность отношений и на этотъ разъ не была болѣе теплой, чѣмъ прошлой осенью. На первой конференціи крайня идеи были особенно защищаемы и поддерживаемы частью русскихъ, поляками, шведами, однимъ изъ нѣмецкихъ социалистовъ и однимъ швейцарцемъ. Гrimmъ изъ Берна, предсѣдательствовавшій на первой конференціи, вотировалъ осенью 1915 года съ «правой». На

этотъ разъ онъ вотировалъ съ «лѣвой», такъ же какъ и вся швейцарская delegaci . Въ первый разъ особенно жаркие споры были между германской delegaci , во главѣ которой стоялъ тогда Ледебуръ, не явившійся на этотъ разъ, съ одной стороны, и группами, хотѣвшими принять очень радикальныхъ резолюцій— съ другой.

Въ Кинталѣ происходила борьба между тѣмъ изъ французовъ, который одинъ присутствовалъ до конца дискуссіи—Пьеромъ Бризономъ — съ одной стороны и представителями крайняго теченія во главѣ съ Гриммомъ—съ другой. Бризонъ, благодаря его заявлению о невозможности взять на себя обязательство вотировать во всѣхъ случаяхъ противъ военныхъ кредитовъ, не считаясь съ военнымъ положеніемъ страны, о невозможности для него забыть, что онъ одновременно является и французомъ и что Франція для него остается традиціонной страной революціи—сталъ въ глазахъ части собравшихся вульгарнымъ «соціалпатріотомъ». И какъ на первой конференціи Ледебуръ угрожалъ покинуть залъ засѣданій, если пожелали бы связать его постановленіемъ, кажущимся ему непрѣдметнымъ, такъ и Бризонъ два раза былъ готовъ демонстративно покинуть конференцію. По всей вѣроятности, Бризонъ остался на конференціи, несмотря на нелюбезность по отношенію къ нему предсѣдателя Гримма, лишь благодаря поддержкѣ, оказанной ему итальянскими делегатами, за исключеніемъ одного и благодаря тому, что наиболѣе вліятельный изъ нѣмецкихъ делегатовъ—депутатъ прусского ландтага Адольфъ Гофманъ заявилъ, что со стороны французского депутата было «актомъ вдвойнѣ мужественнымъ» явиться на конференцію. То обстоятельство, что Бризонъ въ концѣ концовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ протестовать въ письмѣ, обращенномъ къ предсѣдателю конференціи, противъ принятой декларациі—доказываетъ, что расхожденіе не устранино, несмотря на то, что «лѣвая» рѣшилась вотировать въ видѣ манифеста весьма неопределенный текстъ. Я настаиваю на этой, принимавшей по временамъ очень острый характеръ, борьбѣ между французскимъ соціалистомъ и паиболѣ активными и шумливыми элементами Циммервальда потому, что, какъ мнѣ кажется, эта борьба является рѣшительнымъ доказательствомъ, что не въ циммервальдской атмосфѣрѣ возможны будуть взаимное пониманіе и сближеніе. Эта борьба имѣла мѣсто потому, что какъ въ апрѣль 1916, такъ и въ сентябрѣ 1915 года старались устранить вопросъ о непосредственной отвѣтственности и о различіи въ настоящемъ военному положеніи отдѣльныхъ странъ, тогда какъ эти вопросы невидимо, но безпрестанно висѣли надъ всѣмъ совѣщеніемъ.

Совсѣмъ иного характера были столкновенія внутрь итальянской делегаціи, большинство которой съ Магари, Соцпари, Прамнолини принадлежало къ «правой», тогда какъ Сератти, редакторъ *Avanti*, шелъ съ крайней лѣвой; то же самое надо сказать и о спорахъ между русскими, не выходящихъ изъ сферы ихъ старыхъ традиціонныхъ раздоровъ.

Другой отличительной особенностью конференціи было то, что на этотъ разъ «лѣвая» открыто признала свое желаніе произвести расколъ въ Интернационалѣ. Это вызвало протестъ съ разныхъ сторонъ, особенно со стороны присутствовавшаго французскаго соціалиста, которому пришлось защищать дѣятельность Камилла Гюисмана, подвергшагося ожесточеннымъ нападкамъ ленинцевъ. По этому поводу любопытныя вещи рассказываются въ освѣдомленныхъ кругахъ швейцарской партіи. Говорятъ, что секретарь партіи Платтенъ, крайний между крайними, уже написалъ въ гаагское интернациональное соціалистическое бюро заявление о томъ, что швейцарскіе рабочіе соціалисты будутъ, навѣрное, изумлены, узнавъ объ